

Борисов Михаил Федорович

В ряду фронтовиков у Михаила Федоровича особое место. В 1941 году все началось, как у тысяч его сверстников: пройдя ускоренный курс Томского артиллерийского училища, ушел на фронт. И начался его трудный путь по дорогам войны: наводчик 50-миллиметрового миномета на Южном фронте, участник десанта под Керчью; наводчик 45-миллиметровой противотанковой пушки на Юго-Западном и Донском фронтах, защитник Сталинграда; комсорг отдельного истребительного противотанкового дивизиона 2-го танкового корпуса на Воронежском фронте; участник Курской битвы. Под Прохоровкой он совершил свой великий подвиг, лично уничтожив 7 немецких «Тигров», заменив выбывшего наводчика.

Освобождал Киев, Прагу, Варшаву, форсировал Одер, штурмовал Берлин. После войны, имея несколько ранений, продолжил службу в армии, уйдя в отставку только в 1981 году в звании полковника. Сегодня он служит в казачьих войсках в звании генерал-майора. Он строил шахты в Кузбассе, возводил Западно-Сибирский комбинат и знаменитый Новосибирский Академгородок, а еще вышли в свет 29 его книг, среди которых хорошо известные читателю «На линии огня», «Колокол памяти», «Березовому кланяюсь листу» и совсем свежая — «Все это она».

Это была жизнь, а не творческая командировка на ударные стройки страны. Каждая его строчка как колышек в разметке новых городов и дорог нашей необъятной России. Перечисляя этапы его жизни, повторяешь историю страны, которой уже нет, а ее летописец перед тобой.

Вот как Михаил Федорович вспоминает детство: «В казачьей семье с самого раннего возраста приучали к воинской службе: в 3 года я сел на коня, а в 4 — впервые выстрелил из винтовки. Потом мы из поселка Михайловский переехали в город Камень-на-Оби. Там богатейшая библиотека. Читал стихи без разбора — все подряд, кроме Пушкина и Лермонтова любил Байрона...»

...«С высоты своих восьмидесяти лет виднее ухабы и дороги, по которым когда-то прошел. Мне удалось все их преодолеть, за это я признателен судьбе и своим товарищам, жившим рядом. ...Мой творческий путь начался не в войну, а спустя многие годы, когда судьба свела меня с Ярославом Смеляковым, Василием Федоровым, Сергеем Наровчатовым - каждый по-своему повлиял на мое творчество. Их поддержка позволила поверить в себя, стать на ноги... Поэзия всю жизнь хранила меня...»

...Юность... война... — огромный пласт впечатлений, чувств, переживаний фронтовым отпечатком лежит на стихах.

Жил в городе-герое Москве. Умер 10 марта 2010 года. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве

СТРОКА, ОБОРВАННАЯ ПУЛЕЙ...

Памяти В. Стрельченко
Не голова – пчелиный улей,
А вздох как стон издалека:
Строка, оборванная пулей, –
Не полновесная строка...
Но, истекающая кровью,
Она до боли дорога,

В ней пепелища Подмосковья,
Огнем крещенные снега.
И на нее, на вскрик поэта,
Пророка горестной земли,
В тот миг крылатая Победа
Уже откликнулась вдали.

* * *

На фронте мы не думали о нервах –
Война кроила землю под погост,
А из траншей бойцы в шинелях серых,
Бывало, поднимались в полный рост.
Он так и встал
Однажды в сорок первом,
Мой командир, почти ровесник мой,
И поднял роту собственным примером
В последний и решительный наш бой.
Мой лейтенант, я видел краем глаза,
Как ты взлетел над бруствером:
– Вперед!
И показалось – перед нами сразу
Раздался вширь поникший небосвод.
Такой рывок губителен, во-первых,
Он, во-вторых, не легок и не прост...
Но за тобой
И мы в шинелях серых
Уже надежно встали во весь рост.
В те дни судьба не каждому светила.
Мой командир, тебе того рывка
Всего на шаг единственный хватило.
Всего на шаг... в грядущие века.

* * *

Я возвращаюсь всякий раз туда –
В окопный быт,
В обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было,
Ни дня,
Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован,
Словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся в войны.

У ДОНЦА
Промчатся бы по утренней росе
К Донцу

Бок о бок с юностью отважной.
Там падали ребята в рукопашной
На узенькой прибрежной полосе.
Сегодня у заросшей огневой
С трудом я вспоминаю штыковую,
А сам ее душой и телом чую,
Склоняясь над цветущею травой.

ТУМАН НАД ВОЛГОЙ

Стою, застыв, над берегом крутым,
Туман вдоль Волги стелется,
Как дым,
А сквозь него густые зелена
Да синь речная смотрят на меня.
Родимый край давно уже не строг,
Но в нем начало памятных дорог.
Здесь и теперь, до горечи остры,
Дымят мои солдатские костры,
Туман и тот здесь стелется,
Как дым...
Глотнув его парнишкой молодым,
Остался я пожизненно им сыт,
Он только вслух едва не голосит.
И вот стою на зябком берегу,
Стою, как будто согнутый в дугу,
А сквозь туман густые зелена
Да синь речная смотрят на меня...

РАССВЕТ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Старый берег Днепра от шоссе недалече
Приподнялся,
Привстал, как чумака молодой,
Развернув во всю ширь угловатые плечи
Над шумящей внизу неумной водой.

А на той стороне,
Где сплошные покосы
До сих пор первородной дремоты полны,
Расчесала заря порыжевшие косы
Гребешком набежавшей от стрежня волны.
Перед ней и стрижи свой урок отлетали
И мотив отыграл:
– Не-ог-ля-ден прос-тор!
И теперь наяву заплясал в краснотале
Золотой, шепотной, развеселый костер.

Рядом ахнула ель, как на наледи полоз,
Подыграло шоссе резким всхлипом оси...

У земли
Нутряной прорезается голос
И плывет и плывет по исконной Руси.

* * *

Не судачьте всуе, дорогие,
Обо мне хотя б средь бела дня.
Это ничего, что ностальгия
Одолела все-таки меня.
Показалось небушко с овчинку,
Придавил огрузший небосвод.
Но уже давно мне не в новинку
Дней таких бесцельный перевод,
Ведомо и действенное средство,
Как запеть, подобно соловью,
Как вернуть утраченное детство,
Пору беззаботную свою.
Соберусь и как-нибудь под вечер
Через все «никак» и «не могу»
Сизой чайкой вынесусь в заречье,
Приземлюсь на старом берегу.
Снова там почувствую приволье,
Снова там увижу белый свет,
Будто сброшу в рощу или поле
Груз своих совсем не малых лет.
Пробегу по клеверному свею
И, забыв про сотни передряг,
Всю тоску ко всем чертям развею
На семи живительных ветрах.

* * *

В октябрь врезая крылья плотно,
Заполняя все вокруг,
Летят повзводно
И поротно
Родные
Лебеди
На юг.
Летят над стынью повилики
Крылом к крылу средь бела дня,
И их приветственные клики
В свой четкий строй
Зовут меня.
А тут –
Заречные просторы,
Тальник на пойменном лугу
И те березки, без которых
Себя представить не могу!
Мне по-сыновьи, на пределе,
Еще любить
И славить Русь...

Летите ж, други, как летели.
Я остаюсь.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Давайте вслух поговорим о лжи,
Давайте все по-строгому обсудим
И здравый смысл
В самих себе разбудим
Державным откровением души.
Бывает, ложь считают за дурман.
Не видя в ней враждебного начала.
Об этом мне Заобье прокричало
И прохрипел под Внуково туман.
Он прохрипел,
Что наша, мол, беда,
Когда чернят высокие порывы.
Когда, подчас, обычный ропот ивы
За верность выдается без стыда.
Такая ложь убойна, как жакан,
Как времени недобрая примета,
Она легко на все четыре света
Разгульный направляет ураган.
Не каждый в этой буче устоит,
Не каждый,
Словно фразой наговорной,
Укроет душу от потравы черной
И суть её живую сохранит.
Давайте вслух поговорим о лжи
И, доброту на искренность помножив,
Дурные чувства миром переждем,
Высокие удержим рубежи.

* * *

Всей округе надо жить в ладу,
Только нет его под небесами.
Чтя закон, мы каемся, а сами
Тем лишь тешим жадную орду.
Говорим про соль земли родной,
Про ее величие и славу,
Видим же нахлебников ораву
За своей натруженной спиной.
Хватит городить нам городьбу,
Русичи - мы пасынки России.
Морем слез мы с вами оросили
Некогда высокою судьбу.
И пока не списаны в запас,
И пока на службе у державы,
Охранить ее бы от потравы,
Уберечь от ненасытных глаз...

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Нас много таких, кто застрял на пути
В глубокой тоске о величии прошлом,
Кто, пережив все до смятенья в груди,
Не стал отщепенцем, глумливым и пошлым.

Товарный вагон, наш сегодняшний дом,
Летит неизвестно во время какое,
И лишь перелески за смутным окном
Без горестных слов выбирают былое.
А нам всю дорогу призывно заря
Морзит и морзит то светло, то багрово.
Мы те, кто лишен был державного крова,
Кто даже на завтра надеялся зря.

* * *

За окошком вагонным березовый лес
И сирени разлив вдоль дороги,
А поля, где хозяин вчерашний воскрес,
Как и встарь, по-сиротски убоги.
Посмотрю я на них, и сильней защежит
У, меня под ключицею левой.
Почему ты, земля, наш достаток и щит,
Оказалась такой запустелой?
Холодеет в груди:
– Хлеб всему голова,
А не море цветущей сирени
И не сорная эта, в колючках, трава,
Что треножит и вешние звени...
За окошком вагонным духмяный разлив,
За окошком сиротское поле,
А душе подавай ширь ухоженных нив,
Золотых, дорогих ей до боли.

* * *

Становится все уже оком,
И лес все больше оголяет крышу -
Сегодня ту,
Что куковала в нем,
Признаться, я не вижу и не слышу.
Но дух лесной, летя наискосок,
Доносит звук,
Хоть он довольно тонок:
То собственный, знать, подал голосок
Какой-то незнакомый кукушонок.
У всех из нас, живущих, свой удел,
У всех одно свое предназначенье.
Как много лет на груди спешных дел
Меня несло житейское теченье!
И лишь теперь, по свету откружив,
Впервой осенней захлебнусь истомой
И вспомню все,
Чем в жизни этой жил,
И дотяну до заводи искомой,
И там проверю, что за городьбу
Смогу создать взамен зеленой крыши...
Кукушкин сын, не лезь в мою судьбу,
Она, варнак, начертана мне свыше.

